

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

П. Г. Мартысюк

Социокультурная установка нелинейного типа в контексте преодоления противостояния повторения и прогресса

Статья посвящена исследованию циклического развития, которое представлено как попытка преодоления противостояния повторения и прогресса. По своему содержанию циклическое развитие эквивалентно реструктуризации, вызванной к жизни неспособностью линейных и повторяющихся культурных установок достичь своего полного осуществления.

Ключевые слова: культура, циклическое развитие, установка нелинейного типа, прогресс, повторение.

P. G. Martysiuk. Socio-cultural setting of the nonlinear type in the context of overcoming the confrontation of repetition and progress

The article is devoted to the study of cyclical development, which is presented as an attempt to overcome the opposition between repetition and progress. Cyclical development is equivalent to restructuring, caused by the inability of linear and repetitive cultural attitudes to achieve its full implementation.

Keywords: culture, cyclic development, the installation of a nonlinear type, progression, recurrence.

Всякая культура переживает закономерные изменения, которые становятся возможными под влиянием различного рода факторов. Некоторые из них влияют на культуру извне, другие проистекают из ее содержания. Изменения в культуре могут как затрагивать ее отдельные стороны, так и в целом менять смысловой конструкт. Они также влияют на развитие культуры.

Среди типов развития принято выделять: циклический, линейный и нелинейный. Что касается нелинейного типа развития, то он способен синтезировать в своем смысловом поле нередко противостоящие друг другу элементы повторяемости и линейности. К нелинейному типу развития вполне справедливо следует отнести циклическое развитие.

Циклическое развитие представляет собой тип цикличности, вбирающий в свое содержание элементы повторяемости и линейности. В отличие от повторения, нацеленного на репродукцию одного и того же, циклическое развитие имеет относительно повторяющийся характер, так как по своей траектории лишь отчасти совпадает с предыдущим циклом. На присутствие в циклическом развитии элементов повторяемости и линейности в свое время указывал П. Сорокин. С его слов, «теория циклического развития рассматривает все процессы как абсолютно и относительно повторяющиеся. Она отвечает и точке зрения «линеаристов», признавая линейную тенденцию как часть процесса, имеющую место в течение ограниченного периода...» [4, с. 110].

На наш взгляд, циклическое развитие также имеет общие характеристики с прогрессом, что относительно исследования циклической парадигмы культуры выражается в реактуализации религиозного, исторического и общественного опыта, выведенного на качественно иной уровень реализации в новых форматах культуры.

Прогресс как тип развития является важнейшим элементом линейной модели культуры. В отличие от эволюции он сориентирован на качественное улучшение материальных и духовных параметров культуры. Несмотря на то что теоретические основания прогресса закладываются в философских и культурологических учениях Нового времени, в качестве идеи он обнаруживает себя в древности. Одной из сфер его приложения в этот период выступает теогонический миф.

В дофилософском сознании, порождающем систему мифо-религиозных представлений, мы встречаемся с двумя противостоящими друг другу началами — прогрессом и повторением. Древнегреческая теогония имеет прогрессистские тенденции, что выражается в усовершенствовании духовной природы богов, возможной при переходе от древних богов к новым, от самовластных и деспотических — к освобождающим и искупающим, от Хроноса — к Зевсу и Дионису. Однако это происходит на фоне ожесточенного сопротивления богов старшего поколения. Гея вынуждена вновь заключать по велению Урана своих детей в утробе, а Крон их проглатывать.

Взаимодействие повторения и прогресса, порождающее представление о циклическом развитии в рамках древнегреческой мифологии, показано Ф. Шеллингом в работе «Философия искусства». «Абсолютный хаос как общее празерно богов и людей есть ночь, тьма. Бесформенны еще и первые образы, которые фантазия заставляет из него рождаться. Целый мир неоформленных и чудовищных образов должен исчезнуть, прежде чем сможет возникнуть светлое царство блаженных и неизменных богов... Первые порождения объятия Урана и Геи еще чудовищны — сторукие великаны, могучие циклопы и дикие титаны; их возникновение ужасает самого отца, и он вновь заточает их в Тартар. Хаос должен снова поглотить свои собственные порождения. Уран, заточающий своих детей, должен быть оттеснен, начинается владычество Кроноса. Однако еще и Кронос поглощает своих собственных детей. Наконец наступает царство Зевса, но и этому опять-таки предшествует разрушение. Юпитер должен освободить циклопов и сторуких великанов, чтобы они помогли ему против Сатурна и титанов, и лишь после победы над этими чудовищами... Небо проясняется, Зевс вступает в спокойное обладание радостным Олимпом, на место всех неопределенных и бесформенных божеств приходят определенные, четко очерченные образы, место древнего Океана занимает Нептун, место Тартара — Плутон, титана Гелиоса — вечно юный Аполлон. Даже самый древний из всех богов Эрос, которого самая давняя поэма заставляет возникнуть вместе с Хаосом, вновь рождается как сын Венеры и Марса и превращается в ограниченный и устойчивый образ» [7, с. 94]. Мифорелигиозное сознание готовится к принятию нового идеального бога и ожидает его.

Отчасти сохраняя приверженность еще к прошедшему, оно уже обращается к будущему.

Теогония в античной мифологии утверждает последовательный политеизм, требующий принципа, утверждающего прогресс. Он заключается в том, что женское божество осуществляет возможность прогресса, а более молодое поколение богов осуществляет сам прогресс.

Применительно к рассмотренному мифологическому сюжету прогресс также раскрывается в преодолении синкретизма, заключенного во всепоглощающем нерасчлененном титаническом начале, а также утверждении нового самостоятельного инобытия в лице олимпийских богов. В последующем в диахронии культуры титанизм повторяется в качестве возможного измерения творческой природы и духовных возможностей человека, способного подняться до уровня богов.

В мифологической традиции феномен прогресса, находясь в статусе идеи, по степени значимости уступает цикличности, образующей устойчивые, извечно повторяющиеся элементы мифа. Прогресс утрачивает перспективу абсолютизации в рамках замкнутого мифологического пространства. В контексте мифологической картины мира он не сводится к уничтожению старого, а оттесняет его на периферию. Старое и сменяющее его новое при этом сохраняются в пределах единого мифологического пространства.

Рассмотренный мифологический сюжет указывает на противостояние повторения и прогресса. При этом повторение препятствует прогрессу как улучшению природы богов через проглатывание рождающихся богов. Что касается циклического развития, то оно выводит теогонию на новый, более совершенный уровень бытия. Олимпийские боги как боги более совершенного порядка даруют людям законы при сохранении мифологического порядка.

Христианская идея линейной истории не отрицает циклизма, а реализует его в новом сакральном измерении, возможном в результате преодоления исторического времени и возвращения Вечности. Наряду с этим в рамках иудеохристианской традиции открываются качественно новые возможности идеи прогресса. «Впервые еврейские пророки внесли в мир идею поступательного развития человечества. Взор их устремлен в будущее. Когда наступит время, придет

Мессия и утвердит по всей земле, по всему миру царство Всевышнего. Золотой век впереди, и вся история царств, созидаемых и разрушаемых по велению Иеговы, направляется к тому времени, когда «выйдет закон от Сиона... и Господь будет судить посреди народов и раскуют мечи свои на орала и копыя свои на серпы и не поднимет народ на народ мечи и не будет уметь уже воевать» [8, с. 199].

Идея прогресса генетически связана с христианской верой. Христианство как проявление историко-духовной определенности и временной целесообразности воспринимает прогресс в качестве реально допустимого исторического и духовного выражения. Оно всячески стремится к усвоению положительной бесконечности, что ведет к наполнению индивида божественным смыслом, а это возводит человека на новую, высшую и абсолютную, ступень бытия, освобождает последнего от мирских законов. В результате индивид обретает смысл жизни уже не в пределах мирского бытия, а в Царстве Божием, тем самым реализуя поставленную перед ним христианством абсолютную и достижимую цель.

Христианская эсхатология, продемонстрировавшая ступенчатость, линейность исторического развития, оказала существенное влияние на формирование учения о прогрессе. Она явилась исторической почвой, на которой произросли новоевропейские теории прогресса. Вместе с тем понятие прогресса ограничено, по сути, лишь общечеловеческой, земной окраской, так как базируется на абсолютизации человеком человеческого. В запредельно человеческом оно себя исчерпывает. Поэтому христианство предугадывает и отчасти способствует реализации прогресса в общественном и государственном устройстве, не совпадая с ним до конца. Во многом это обусловлено трансцендентной и в то же время имманентной духовной выраженностью христианства, не исключающей факта земного воплощения.

Как уже было замечено, идея прогресса обнаруживает себя в Античности и Средневековье. Однако в эти исторические эпохи она носит исключительно локальный и фрагментарный характер, что объясняется ее принадлежностью к мифорелигиозной картине мира, которая организуется по принципу закрытости, имеет строгую иерархию, обусловленную взаимодействием сакрального и профанного, божественного и земного. Вместе с тем, закрепившись в иудео-

христианской традиции, идея прогресса со временем становится одним из ключевых явлений новоевропейской культуры, она образует ее стержень и во многом является следствием присущих ей процессов секуляризации.

Подлинно универсальный статус идеи прогресса в культуре Нового времени во многом обусловлен принципиальной открытостью новоевропейской картины мира, связанной с переходом от геоцентрической модели мира к гелиоцентрической. Смена картин мира в последующем пробуждает веру в бесконечные возможности науки, подкрепленную развитием теоретического естествознания, а также ростом количества технических изобретений.

В начале XVII века в философском учении Ф. Бекона идея прогресса нашла отражение в сфере научного познания и обосновалась в «чистом виде» — свободном от элементов «циклизма». Философ усмотрел причину отказа от движения в «благоговении перед древностью». От современного ему периода он ожидает более глубоких знаний и суждений о человеческих вещах, чем от былых времен, считает его старшим временем мира, собравшим в себе бесконечное количество опытов и наблюдений. Он утверждал, что человечество развивается, становится все более мудрым и информированным, технически оснащенным и справедливым.

Глубокие преобразования в современной культуре пробуждают научный интерес к различным проявлениям прогресса, отражающимся как на судьбах отдельных личностей, так и общества и культуры в целом. Характер исследований в данном направлении обусловлен тем, что прогресс оказывает решающее воздействие на социокультурные изменения, а также формирование мировоззренческих установок всего общества. Это влияние прослеживается на протяжении эволюции культуры, проявляется в многочисленных продуктах культуротворческой деятельности как реализации отношения человека к природе, другим людям, самому себе. Прогресс в современный период проявляется в процессе зарождения, становления и видоизменения самосознания субъекта, оказывает влияние на его индивидуальное и коллективное поведение как во внутренних, так и во внешних духовных проявлениях.

Наряду с позитивной направленностью, присущей прогрессу, необходимо обратить внимание на его противоречивую природу.

К примеру, в социокультурном пространстве прогресс предполагает движение к идеалу, который является источником бессмертия всего сущего, содержит полноту общественного и культурного бытия. Однако он оказывается не в состоянии совпасть с идеалом, так как в случае отождествления с ним утрачивает свою суть. Если же допустить бесконечность прогресса, зафиксировав тем самым непреодолимую дистанцию между ним и идеалом, то это значит превратить его в фикцию.

Одним из критериев общественного прогресса выступает коммунизм. Коммунистическая идея, на наш взгляд, берет исток в учении средневекового мистика Иоахима Флорского. Согласно его учению, переход человечества к каждому из трех, выделенных им периодов истории связан с постепенным одухотворением его жизни в отношении к Богу. Третий период Иоахим Флорский связывает с установлением тысячелетнего царства Божьего на земле. Он проходит под знаменем Святого Духа.

Учение Иоахима Флорского в последующем нашло отражение в секуляризированной эсхатологии ананбаптистов, представленной в виде программы тотальной социально-коммунистической революции. Светская направленность данной программы выражалась в абсолютизированных установках общественного устройства, включающих полное социальное и имущественное равенство, отмену сословных привилегий, всеобщий возврат к «райским» условиям существования. Протестантский коммунизм в последующем нашел отражение в социалистических и коммунистических идеях XVIII—XIX веков.

Коммунизм оказался типичной утопией земного рая со всеми присущими ей основными атрибутами. У него имеется своя вера в возможность скорого достижения последнего благодатного предела истории. При этом он отрицает все сверхъестественное и чудесное, что неизменно присутствует в эсхатологии, и предсказывает осуществление на земле абсолютного идеала, возможности которого далеко выходят за пределы естественных условий. Подобная социальная утопия по своему замыслу может быть соотнесена с космической гармонией, представленной в качестве принципа античной культуры. Соответственно, подобно тому, как на смену космосу приходит хаос, так и утопия претерпевает разрушение, попадая в зависимость от ритмов культурных, исторических и общественных.

Идея построения идеального общества во многом детерминирована верой во всемогущую силу социального прогресса, способную привести к общественному благу. Центральное место здесь отводится просвещенческой идее прогресса, представленной как историческое развитие и совершенствование разума. Необходимо обратить внимание на то, что десакрализация мифа привела к появлению чисто человеческого (светского) прогресса. В итоге эсхатологический миф как бы растворился в идее прогресса. Золотой век стал вполне достижим благодаря прогрессу преимущественно в области техники. Разработка чисто имманентного будущего человечества нашла отражение в трудах Вольтера, А. Тюрго и И. Гердера.

На русской культурной почве идея прогресса фигурирует в теократическом учении русского религиозного философа Вл. Соловьева, которое пронизано уверенностью в близком завершении исторического процесса, в торжестве культурных и общественных идеалов, в воцарении земного рая. В итоге исторический процесс у Вл. Соловьева приводит к возникновению идеальной цивилизации, свободной вселенской теократии, что связано с торжеством идеалов нравственной и социальной справедливости.

Новоевропейская идея прогресса значительно усилила противостояние линейной концепции времени и представления о повторении, зародившегося в рамках архаической культуры. Наряду с этим любого рода идеализация, в том числе и идеализация общества, выявляет возможности прогресса в их предельном выражении, подчеркивая тем самым наличие у него критериев. В идеальном обществе прогресс отсутствует, так как здесь нет того, что необходимо улучшать, незначительные же общественные шероховатости оказываются оттесненными на задний план. По сути, идеальное общество представляет своего рода абсолютный центр, где вечное оказывается помещенным во времени, безусловное растворяется в относительном, а бесконечное реализует свои возможности в относительном.

Однако с неиссякаемой силой прогресса, т. е. нарастающего обогащения, улучшения и совершенствования жизни и быта, история не заканчивается. Историческое время мыслится как бесконечное, неопределенное и неограниченно продолжаемое. Это не исключает и последующую смену поколений, что по-прежнему актуализирует со-

хранение веры в возможности прогресса. Вместе с тем положительное стремление к внешне реформированному порядку и совершенному устройству общества без учета глубины и внутренней духовной организации каждой личности обретают противоположный смысл.

Ценность прогресса была бы неполной и даже заключала бы в себе противоречие, если бы каждое данное поколение было только средством для блага последующего, если бы каждой личности не дана была возможность соучаствовать во всей полноте нравственного и духовного совершенствования человечества.

Утопические модели общественного устройства по своей мировоззренческой ориентации схожи с примитивным обществом, но с одной оговоркой. В основе первобытной картины мира лежал миф, выполнявший в ней роль конструктивного созидательного начала. Благодаря ритуалу мифическое прасобытие периодически реактуализировалось, в результате чего область профанного соединялась с областью сакрального. Современная же культура отчасти утратила способность к живому восприятию бытия, что являлось неотъемлемым свойством мифологического сознания. Современный человек устремился к механическому овладению вещами. И чем больше благодаря прогрессу он ими овладевал, тем в большей степени ощущал свое дистанцирование от них. По этой причине социальная утопия как явление культуры и форма общественного устройства сохраняет всего лишь статус невоплощенного общественного идеала, имеющего под собой мифологическую основу, нередко деструктивного характера, так и неспособную завладеть всеми уровнями сознания современного человека.

В связи с этим утопические модели общественного устройства могут быть восприняты двояко. С одной стороны, будучи вариантом модифицированного эсхатологического мифа, они ставят перед собой цель вернуть человека в исходное состояние универсального блага, своего рода рая, дарующего полноту ощущения жизни. С другой стороны, различные утопические модели общественного устройства являются следствием безудержной веры в возможности социального прогресса, в то время как традиционное общество следует изначально установившимся мифологическим порядкам.

Порой кажется, что достигнутое человечеством в ходе развития становится вечным и незыблемым. Движение вперед сопровождается

ся открытием все новых и новых ценностей. С каждым новым шагом мы приближаемся к заветной цели. Не зная о будущем, мы рассматриваем нашу эпоху как некое завершение исторического прогресса. Подобного рода ошибочность, связанная с верой в бесконечность прогресса, порождает сомнение в возможности возвращения ранее достигнутых идеалов. Представляется глубоко неверным разрушать фундамент, на котором в последующем будет выстроено здание. А прогресс во многом этот фундамент разрушает. Выражая безудержное стремление к беспримерному богатству в благах внешних, он нередко идет вразрез с традиционными формами духовности, что в конечном счете приводит к их забвению, а то и утрате, тогда как циклическое развитие способствует их воспроизводству на новом культурном уровне.

Важно помнить, что зачастую в мире многое повторяется. Не случайно, К. Хюбнер указывает на то, что «не полностью забытые, но в настоящий момент лишённые веры традиции» могут снова возродиться, «поскольку они питаются из безвременных глубин, над которыми остров людей» — а именно современная цивилизация — «опасно парит в своей прогрессирующей ущербности» [6, с. 71—72].

Культурный и исторический опыт убеждает нас в том, что стремление к лучшему будущему не всегда в состоянии компенсировать идеальное первоначальное состояние. Посему стремление вперед нередко порождает тягу к возвращению как переосмыслению пройденного жизненного пути. Подобное объясняется тем, что современный человек, постоянно совершенствующий свою жизнь, должным образом не знает самого себя и потому не в состоянии здраво спрогнозировать дальнейшие формы своего существования и пути их реализации. Неизвестность приводит его к периодическим сомнениям и вселяет веру в сокрушающую силу прогресса.

Предполагается, что прогресс наполняет бытие культуры большей полнотой, возвышает ее последующее состояние над предыдущим. Он распространяется на реальность, существующую во времени, но при этом неспособен проникнуть в ноуменальный мир. Что касается субстанции, обладающей абсолютным бытием, т. е. божественной, то в силу своей самодостаточности прогрессировать она не может.

В противовес современным мировоззренческим установкам, нацеленным на бесконечное развитие культурной и общественной сфер, традиционализм исходит из того, что ничто хорошее прогрессировать не может, так как по своей природе оно самодостаточно, а посему все повторяется в своей неизменности. Отсюда и максимальная потребность в обрядовой традиции как источнике поддержания и регуляции отношений в традиционном обществе. По меткому замечанию Ю. Стефанова, «прогрессирует только зло. Благо — это всегда результат сознательных усилий» [5, с. 15–16].

В современной культурной ситуации идеализация общественного прогресса во многом идентична процессам мифологизации, имеющим место в архаической культуре. В прогрессе, возвеличенном до максимального предела человеком современной культуры, внезапно обнаруживается мифологическая природа, что подтверждается в исследовании П. Сапронова «Русская философия». «Мировоззрение принимает идею прогресса потому, что она внутренне близка человеку соответствующей эпохи, отвечает его самоощущению и мироотношению. В этом обстоятельстве обнаруживается сходство мировоззрения с мифом. Как и миф, оно представляет собой проекцию души человека, не истину сущего, а ее видение» [3, с. 253].

Отчасти подобная точка зрения объясняется сохраняющейся потребностью современного сознания в отождествлении должного, в плане того, что должно быть, и реально существующего. Наряду с отождествлением мифологизированной и идеализированной общественных установок мы отмечаем и факт их противоположной направленности. В архаической культуре допускается факт повторения золотого века в историческом времени. При этом концепция золотого века содержит отрицательное отношение к современности и в целом к эмпирии, которая не в состоянии выразить и сохранить в историческом потоке искомый идеал. Соответственно, историческое развитие воспринимается в качестве регресса, ведущего к безвозвратному удалению от первоначального идеала. Отголоском этого взгляда являются философско-религиозные и культурологические теории первично-совершенного состояния человеческого рода и бытия культуры.

В отличие от повторяющегося в античной истории золотого века, коммунизм как идеализированная форма современного обще-

ственного устройства выстраивается, т. е. обретается в неопределенном будущем. Строится коммунизм обычными земными средствами, но при этом неосознанно воспринятых в качестве абсолютных (мифологических).

Наряду с конструктивным потенциалом, который несет в себе феномен прогресса, произвольность его, в особенности в рамках современной культуры, становится очевидной. Отмечая успехи в различных областях культурной жизни, мы нередко не учитываем то, какой ценой они были достигнуты, в результате чего имеем дело с относительным прогрессом, приведшим к утверждению новых культурных ценностей, по своему содержанию уступающим отверженным. Во многом это объясняется тем, что история человечества носит неоднородный характер, так как на смену эпохам культурного подъема и совершенствования приходят эпохи упадка культуры, разложения и гибели. На основании этого можно заключить, что феномен прогресса имеет под собой зыбкие основания и не может сводиться к непрерывному развитию культуры. Диапазон его возможностей также ограничен и не может распространяться на все сферы культурной жизни.

В диахронии культуры прогресс непосредственно связан с феноменом циклического развития, который хотя и формально противостоит прогрессу, однако при этом не исключает схожести с последним. Момент их сходства обусловлен самой заявкой на будущее. Прогресс во многом определяет будущее культуры и общественно-го устройства, в то время как циклическое развитие не исключает его и в то же время удерживает в своей памяти культурное прошлое. Идеальная модель человеческого бытия, которую мы надеемся обрести в неопределенном будущем, частично присутствует в настоящем, тем самым становясь более весомой и доказательной.

В целом историческая инверсия с точки зрения реальности предпочитает прошлое будущему. В этой ситуации особенно ощущается правота М. Бахтина. С его точки зрения, «чтобы наделить реальностью тот или иной идеал, его мыслят как уже бывший однажды когда-то в Золотом веке в “естественном состоянии” или мыслят его существующим в настоящем где-то за тридевять земель, за океанами, если не на земле, то под землей, если не под землей, то на небе» [1, с. 76].

Повторение в культуре реализует свой внутренний потенциал не только в силу недостаточности или нереализованности отдельных параметров культуры, но и в силу их исчерпанности в пространственно-временном континууме. Его природа лишена явной критериальности, в то время как критерии действия присущи прогрессу. Необходимо обратить внимание на то, что критериальность прогресса самым непосредственным образом оказывается связанной с повторением. Это обусловлено в первую очередь неспособностью прогресса воспринять до конца природу абсолютного, что низводит ее в ранг относительного. В силу этого становятся актуальными новые ориентиры отыскания абсолютного: «когда относительное изживает в ней само себя, а ее разрушает, она снова обращается к Абсолютному и начинает понимать в смысле относительного новый его аспект» [2, с. 245]. Прекращение движения по бесконечной прямой, обусловленное критериальностью прогресса, связывается с потребностью в сохранении отдельных форм культуры, обладающих явно выраженной позитивной направленностью, что в итоге определяет повторение.

На первый взгляд, повторение обладает схожими характеристиками с регрессом, но при более внимательном всматривании в его природу формируется иное мнение. Повторение как возвращение к началу, содержащему полноту бытия, не отождествляется с регрессом как движением назад, вызванным самим фактом утраты или умалением достигнутого уровня культуры. Повторяемость в контексте циклического развития приводит к сохранению системы, восстановлению ее утраченных частей на новом уровне эволюции культуры. Прогресс, в отличие от возвращения к предыдущему состоянию культуры, несомненно, несет в себе момент утраты, оставляя за бортом истории то, что в недавнем прошлом являлось жизненно необходимым.

Каждое событие, запечатленное в истории культуры, с позиции циклического развития необходимо рассматривать как нечто уникальное и неповторимое. Его уникальность заключена не столько в неповторимых чертах индивидуальной природы, сколько в возможности быть включенным в культурную целостность более высокого порядка, а следовательно, в возможности приобрести всеобщую ценность и перспективу неизменно повторяться в различных культурных модификациях.

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
2. Касавин И. От переводчика // Истина мифа / К. Хюбнер. М., 1996. С. 7—12.
3. Сапронов П. А. Русская философия: опыт типол. характеристики. СПб.: Церковь и культура, 2000. 396 с.
4. Сорокин П. Социальная и культурная динамика / пер. с англ., вступ. статья и комментарии В. В. Сапова. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
5. Стефанов Ю. Живой и говорящий Космос // Избр. соч. / М. Элиаде; пер. с фр. А. А. Васильевой [и др.]. М., 2000. С. 7—19.
6. Хюбнер К. Истина мифа / пер. с нем. И. Касавина. М.: Республика, 1996. 448 с.
7. Шеллинг Ф. Философия искусства / под общ. ред. М. Ф. Овсянникова; пер. с нем. П. С. Попова. СПб.: Алетейя: Унив. кн., 1996. 495 с.
8. Эрн В. Ф. Идея катастрофического прогресса. М.: Правда, 1991. 575 с.